

БОРИС СЛАВИН

О социальной природе советского общества

Размышление над книгой

Больше двадцати лет прошло с тех пор, как исчез с политической карты мира Советский Союз. Однако дискуссия о его природе и причинах падения не прекращается. Новым подтверждением этому стала недавно вышедшая книга под редакцией профессора МГУ Александра Бузгалина и московского руководителя Фонда Розы Люксембург Петра Линке. В ней представлены самые разные (порой — полярно противоположные) точки зрения на советское прошлое. Рассмотрению некоторых из них и посвящена эта рецензия.

«СССР. Незавершенный проект». Ред. А. Бузгалин (Серия «Размышляя о марксизме»). М., «Ленанд», 2012. 528 с.

тоталитарной природе Советской власти. Так, например, канадский профессор Пареш Чаттопадхьяй пытается доказать, что Октябрьскую революцию не следует считать успешной «пролетарской революцией», а власть большевиков — подлинно «рабочей властью», поскольку они якобы никогда не опирались на самих рабочих. «В октябре 1917 года, — пишет он, — судьба более 170 миллионов человек была решена несколькими людьми, неотносившимися к пролетариату, далекими от реальных процессов производства, не подлежавшими при этом свободным выборам (и, соответ-

СССР: тоталитарное общество? буржуазный проект?

Прежде всего замечу, что авторы составивших книгу материалов, за редким исключением (статья Даниэля Гайдо), не критически повторяют аргументы о то-

тально, отзыву) со стороны трудового народа» (С. 263). И это говорится о большевиках и Ленине, которые считали, что социальные революции всегда творят широкие массы и рабочие могут осуществить успешную революцию только в союзе с крестьянством, составляющим абсолютное большинство российского народа!

СЛАВИН Борис Федорович — профессор Московского педагогического государственного университета, доктор философских наук.

Ключевые слова: СССР, советское общество, советская экономика, реальный социализм, коммунизм, сталинизм, рабочее государство.

К сожалению, сугубо априорный подход к пониманию природы советского общества используют и некоторые другие авторы рассматриваемой книги, доказывающие, например, невозможность создания социализма в советской стране по причине ее якобы абсолютной технической и экономической отсталости по сравнению с развитыми капиталистическими странами. В частности, этой позиции придерживается профессор Михаил Воейков, который доказывает, что Октябрьская революция и советское общество по сути своей являлись сугубо буржуазными феноменами (см. *С. 199 и далее*). Напомню, что конечной причиной движения истории по Марксу являются не техника, а люди, трудящиеся классы, которые не только создают технику, но и являются главной производительной силой общества. Они же — и субъектами общественных, в том числе производственных отношений. Именно они делают свой выбор в истории, меняя буржуазные отношения на социалистические. Без такого подхода просто невозможно понять диалектику и логику движения истории, смену одного способа производства другим, капитализма социализмом. В этом смысле технокентризм Воейкова оказывается всего лишь начетничеством.

Гораздо более гибко ставит вопрос доктор экономических наук Андрей Колганов. По его мнению, советское общество одновременно решало задачу буржуазной модернизации и задачу превращения постреволюционной России в социалистическое общество (см. *С. 166*). С одной стороны, ученый считает, что вопрос об успешности построения социализма на базе «достраиваемой» на ходу материальной базы капитализма «остается открытым», а с другой — что «СССР с этой задачей не справился». Думается, однако, в данном случае можно найти много более однозначный ответ. Я уверен, что прежде всего следует указать на государственную собственность на основные средства производства, с одной стороны, и сознательный или планомерный характер развития экономики и социальной сферы, с другой.

Наряду с известными идеологическими и политическими причинами именно эти объективные факторы заложили социалистический вектор развития советского общества, обеспечивающий в первую очередь удовлетворение интересов рабочего класса и трудового крестьянства.

При этом главное объяснение крушения факта советского проекта и его возможного возрождения в будущем я связываю не столько с появлением в России постиндустриальных технологий (хотя они исторически и необходимы), сколько с отсутствием или появлением в ней такого революционного фактора, как наличие левой партии и ее подлинно научной программы, отвечающей новым реалиям XXI века, партии, способной выразить насущные интересы большинства трудящихся. Только такая авангардная и массовая партия может повести за собой всех ограбленных, униженных и оскорбленных диктатурой олигархического капитала в России и мире.

Следует отметить, что А. Колганов достаточно близко подошел к пониманию социальной природы советского общества, когда назвал ту силу, которая подготовила и обеспечила переход от социализма к капитализму. По его мнению, ею стала бюрократическая элита, появившаяся тогда, когда прекратились успехи «на пути продолжения модернизации», дававшие этой элите шанс на повышение и укрепление ее статуса. После потери данного шанса она стала искать «иные пути для реализации своих интересов» (*С. 191*). Со временем бюрократия вообще перестала замечать изначальный социалистический вектор развития страны, связанный с социальным творчеством масс, общественной самодеятельностью и демократией «для всех». В итоге она сдала «в утиль социалистические лозунги и кинулась приобретать буржуазные источники дохода» (*Там же*). До открытого перехода на капиталистический путь у нее оставался один шаг, который она и сделала в начале 1990-х годов.

Определив реальный социальный слой, прекративший осуществление со-

ветского проекта, Колганов, к сожалению, не заметил тех сил, которые противостояли ему в лице убежденных коммунистов и возникающих новых политических организаций и движений левой ориентации. Помнится, к одной из них («марксистская платформа») принадлежал и сам А. Колганов. В итоге высказанное им в начале главы утверждение, что социалистический проект не был «обреченной утопией», осталось недоказанным. Мало того, на мой взгляд, он сам провозгласил «новую утопию», утверждая, что не индустриальная, а только постиндустриальная эпоха создает адекватную базу для социализма. На самом деле данная эпоха сама по себе, без социальной борьбы никогда не даст социализма, как не дала его индустриальная эпоха в США и Европе в XX веке.

Убеждение Колганова в том, что советская держава погибла лишь потому, что не смогла создать в национально ограниченных рамках постиндустриальную экономику, на мой взгляд, возвращает нас к уже *решенному* старому спору меньшевиков и большевиков о материальных предпосылках социалистической революции в России. На мой взгляд, автор гораздо ближе к истине, когда заявляет о принципиальной неспособности разных фракций бюрократии в условиях перестройки защитить коренные интересы трудящихся. По его мнению, их «не собирались защищать ни те из номенклатуры, кто хотел капиталистической эволюции, ни те, кто выступал против нее» (С. 190—191). А кто же все-таки хотел защищать? На этот вопрос, к сожалению, у автора нет ответа.

По словам Колганова, повторный приход капитализма в Россию оказался неизбежным, поскольку он якобы был «единственно реально существующей альтернативной системой, соответствующей достигнутому уровню производительных сил, и к тому же занимающей господствующие позиции в мире» (С. 446). Наблюдая нарастание современных социальных протестов в арабском мире, Европе, США и других странах, думаю, что никакого со-ответствия производительным силам эта

система не имеет. Напротив, современные производительные силы (технические и человеческие) уже давно восстают против нее. Говоря о «единственно реальной» альтернативе, не следует также забывать и об опыте таких стран, как Китай, Вьетнам, Куба и др.

Не думаю также, что социализм может появиться только после постиндустриальной модернизации капиталистических стран и совершения в них од-новременной мировой революции. Это какая-то ново-старая догма, которую сегодня выдвигают некоторые левые идеологи. Во-первых, по содержанию она больше соответствует не социализму, а коммунизму; а во-вторых, исходя из современного уровня становления постиндустриального общества и роста противоречий между капиталистическими странами, думаю, что подобная перспектива носит слишком абстрактный и потону весьма отдаленный характер. Нельзя же просто сидеть и ждать, когда наступит такое благоприятное время!

Своеобразную позицию в понимании советского общества занимает профессор Григорий Водолазов, доказывающий, что советское общество являлось абсолютно новой исторической формацией, которая лежит между капитализмом и социализмом. С его точки зрения, она представляет собой неизвестный ранее исторический феномен, противоположный как капитализму, так и социализму (см. С. 406).

Следует признать, что многие теоретические рассуждения Водолазова, связанные с пониманием современности, носят неординарный характер, однако в конечном итоге игнорируют переходную природу советского общества. А это в свою очередь ведет к тому, что он не замечает существенные различия между сталинизмом и другими политическими режимами в советской истории (своеобразный либерализм нэпа, авторитарно-демократическое правление Хрущева, авторитаризм Брежнева и демократия времен перестройки). В итоге живая советская история испаряется, и вместо нее остается лишь сплошное господство одного тоталитарного режима власти.

История СССР — важный опыт для социализма XXI века

Коснувшись концепций, которые вызывают у меня несогласие, и в полной мере признавая за их авторами право на собственную точку зрения, позволю себе осветить также и те отраженные в рецензируемой книге представления, которые, с моей точки зрения, достаточно адекватно интерпретируют природу СССР и причины его падения.

К таковым, в частности, относится материал, написанный профессором Александром Бузгалиным. С его точки зрения,

Поскольку эволюция советского общества была связана с зарождением, развитием и падением социализма, то сразу возникает вопрос, как следует трактовать тот главный исторический процесс, в рамках которого эта эволюция или трансформация происходила?

в СССР сложился так называемый мутантный социализм. Слово «мутантный» заимствовано из биологии, в которой это понятие означает «стойкие изменения наследственных структур живой материи». Лично я не сторонник употребления биологических и иных естественно-научных терминов в обществоведении — они мало что дают для понимания специфики социальных отношений; но в данном случае постараемся определить, какое содержание за ними стоит у автора.

Насколько можно понять, применительно к обществу слово «мутация» употребляется А. Бузгалиным для обозначения изменения его основных признаков под влиянием развития производительных сил, форм собственности, социальной структуры, идеологии, куль-

туры, международной обстановки и т. д. (см. С. 31).

Поскольку эволюция советского общества была связана с зарождением, развитием и падением социализма, то сразу возникает вопрос: как следует трактовать тот главный исторический процесс, в рамках которого эта эволюция, или трансформация, происходила? Как известно, в традиционной (по выражению автора — «ортодоксальной») марксистской версии этот процесс назывался «переходом от капитализма к социализму» или точнее — переходом от капиталистической формации к коммунистической, где социализм означал ее первую фазу. По мнению Буз-

галина, в условиях конца XX и начала XXI века такое понимание оказывается недостаточно точным. Он считает, что в рамках «критического марксизма» следует рассматривать природу и эволюцию советского общества в более широком философско-историческом аспекте, означающем некую генеральную трансформацию человечества от «царства необходимости» к «царству свободы».

Такая предельно общая постановка вопроса необходима автору для того, чтобы охватить не только и не столько проблему «заката» капиталистического способа производства и «генезис» нового, более прогрессивного способа производства, который в советских учебниках называли социализмом, сколько «всей системы отношений социального отчуждения, характерных для царства [экономической] необходимости» (Там же). При этом под «социальным отчуждением» автор понимает не только устранение частной собственности, эксплуатации и наемного труда, но и общественного разделения труда, диалектическое снятие рынка и капитала, ликвидацию государственно-бюрократической власти и ее внеэкономического принуждения, преодоление отчуждения

от природы, иллюзорных форм сознания, включая религию, идеологическую диктатуру и «масскультуру». Таким образом, речь идет о переходе не столько к социализму, сколько к будущему коммунизму.

С точки зрения Бузгалина, объективной причиной возникновения мутаций реального социализма стала технологическая и культурная отсталость советского общества, взявшегося строить социализм. Признавая, в отличие от Воейкова, возможность революционного перехода к социализму даже в сравнительно экономически и технологически отсталой стране, он полагает все же, что в таком случае данная страна попадает в определенную «ловушку», суть которой состоит в том, что она создает «тупиковую систему» реального социализма, которая не может успешно развиваться, и как следствие — со временем сходит с исторической арены.

Оказывается, однако, что «ловушка XX века» для советской модели социализма состояла в отсутствии не «индустриализма», а «постиндустриализма». Но тогда зачем же говорить об одной и той же «ловушке XX века», породившей реальный социализм и погубившей его? Вообще, эти рассуждения мне во многом напомнили слова его коллеги Колганова, который утверждал, что без постиндустриальной модернизации нельзя перейти к подлинному социализму. Как ни странно, но здесь я опять чувствую тяжелую и жесткую руку технологического детерминизма, которая никак не может отпустить наших экономистов, испытывавших на себе влияние советского «истмата». Не устаю повторять: историю делают живые люди, классы, партии, различные политические и национальные движения. «Ловушка» истории — это не фатум: ее всегда можно избежать, обойти, изменить с помощью правильной политики — как это сделал Ленин, решительно перейдя от «военного коммунизма» к нэпу.

Вообще, мне кажется, что понятие «ловушка» применительно к целостному историческому процессу не очень продуктивно: оно, на мой взгляд, скорее подходит к оценке поведения отдельных личностей, а не таких больших общностей,

как классы, государства, нации и т. п. Я думаю, автор это понимает, когда, например, говорит о «социально-политических причинах» падения СССР и «прогрессивных ростках» новой социалистической системы, когда показывает нелинейный «процесс перехода от эпохи отчуждения к “царству свободы”» (коммунизму), включающий «в себя революции и контрреволюции», «социальные реформы и контрреформы», «волны прогресса и спада различных социальных и собственно социалистических движений» в мире.

Вот как он конкретизирует эти явления и процессы применительно к советской системе «мутантного социализма». Ему «были свойственны мощные (хотя и глубинные, подспудные) противоречия: на одном полюсе — раковая опухоль бюрократизма, на другом — собственно социалистические элементы (ростки “живого творчества” народа), содержащие потенциал эволюции в направлении, способном дать адекватный ответ на вызов новых проблем XX века. Но постепенно последние были задавлены раком бюрократизма. В результате мутантный социализм не смог развиваться именно в этих, благоприятных для генезиса ростков царства свободы, условиях — условиях НТР, обострения глобальных проблем и т. п., бросавших все больший вызов со стороны общечеловеческих ценностей и норм миру отчуждения. Ответить на эти вызовы жесткий мутантный социализм не смог. Как следствие, он захирел (“застой”) и вполз в кризис» (С. 35). Несмотря на такой пессимистический финал, автор считает, что «мутантный социализм» как «первую попытку “прорыва” к коммунизму» следует всесторонне изучать. По его мнению, одинаково плохо закрывать глаза как на трагедии и неудачи прошлого, так и предавать «забвению» героическую борьбу наших отцов и дедов за социализм. С моей точки зрения, такую диалектику подхода к пониманию природы СССР можно только приветствовать.

Соглашаясь с либеральными критиками в том, что «реальный социализм» оказался неподготовленным к глобальному обществу знаний, Бузгалин в то же время

принципиально не согласен с теми, кто считает, что из «тупика советской модели был лишь один выход к капитализму» (*Там же*). По его мнению, в экономической сфере Советскому Союзу удалось, с одной стороны, создать постиндустриальный уклад, адекватный материальной базе социализма и более прогрессивный, чем создавали в то время страны индустриального капитализма. Это было связано с небывалым ранее развитием советской науки, появившимися высокими технологиями, всеобщим образованием и другими прогрессивными явлениями, позволившими советской стране впервые в истории человечества начать освоение космоса. В то же время СССР продолжал отставать от буржуазного Запада по развитию сельского хозяйства, производству предметов массового спроса, жилищному строительству, качеству бытового обслуживания и т. д. Отсюда автор делает вывод: обществу, решившему строить социализм, наряду с развитием индустриального сектора «необходим скачок в постиндустриальную сферу», то есть надо «опережать не отставая». Для достижения этой стратегической цели следует правильно решить вопросы о соотношении плана и рынка, об оптимальном сочетании различных форм собственности и т. д.

Как известно, еще в годы нэпа наряду с функционированием рынка возникло сознательное и долгосрочное планирование развития различных областей народного хозяйства, включая сюда энергетику, промышленность, образование, науку и культуру. Все это позволило быстро залечить раны военного времени и в перспективе догнать самые передовые страны капиталистического мира. Однако со временем государственное планирование обрело жесткие директивные формы, рынок был свернут, усилились властный бюрократизм и внеэкономическое подчинение работников. Это привело к неравномерности развития различных отраслей хозяйства, уравниловке в заработной плате, огромному дефициту потребительских товаров и т. д. В итоге исторический опыт использования плана и рынка в СССР показал, что соотношение

этих методов ведения хозяйства должно быть всегда научно сбалансировано.

Дело в том, что абсолютизация плановых начал нередко порождает бюрократизм, формализм и отчуждение власти, а абсолютизация рыночных отношений приводит к социальной поляризации, товарно-денежному фетишизму и потребительству. Выход отсюда следующий: постоянно соблюдать меру в соотношении этих важнейших начал социалистической экономики, развивать демократическое планирование и регулирование, использовать рынок там, где планирование не дает должного эффекта. По мнению некоторых ученых, наиболее оптимально такое планирование, в котором рынок выступает его обратной связью.

Что касается собственности, то опыт СССР показал, во-первых, принципиальную возможность экономического развития большой страны без обращения к частной собственности. Во-вторых, что использование государственной собственности может ликвидировать безработицу, обеспечить обороноспособность страны, дать необходимые социальные гарантии каждому человеку, включая бесплатные медицину и образование, право на труд и его регулярную оплату и т. д. Вместе с тем этот же опыт свидетельствует, что сосредоточение государственной собственности в руках только правящей бюрократии порождает отчуждение трудящихся от власти, способствует развитию патернализма и иждивенчества, мешает развитию самоуправления трудящихся, без чего социализм теряет свою специфику. Не случайно утрата способности трудящихся «самостоятельно решать общественные проблемы», «защищать свои интересы» во многом объясняет их пассивное поведение во время развала СССР, равнодушное отношение к либеральной политике «шоковой терапии» и варварской приватизации начала 1990-х годов.

Из этих во многом верных суждений и оценок автор, на мой взгляд, сделал несколько поспешный вывод о том, что «государственно-бюрократическая собственность — это не социализм», а обратная сторона частной собственности, или,

говоря словами Маркса, «всеобщая частная собственность». Это утверждение в последнее время стало трюизмом, в связи с чем хочу напомнить: во-первых, Маркс называл бюрократическую госсобственность «всеобщей частной собственностью» в условиях существования сугубо буржуазного общества; во-вторых, конечно, бюрократизация госсобственности не приближает, а отдаляет общество от социализма. В то же время в условиях перехода к социализму без государственной собственности и бюрократии не обойтись. Здесь для эффективного функционирования госсобственности и полезной роли бюрократии нужен лишь строгий и постоянный контроль за ними со стороны трудящихся, к чему и призывал Ленин в своих «Очередных задачах советской власти».

Интересны суждения Бузгалина о так называемой интеллектуальной собственности. Вслед за философом В. Межуевым он считает, что большинство таких культурных феноменов, как известные правила арифметики, научные идеи и теории, литературные произведения, плоды изобразительного искусства, есть по своей природе «неограниченные блага» и, следовательно, должны быть объектами всеобщей собственности, то есть «собственности каждого на все». Она, по его мнению, есть коммунистическая составляющая социалистических отношений. Ее роль резко возрастает в условиях становления «царства свободы», когда на первый план выходит творческая деятельность «ученого и педагога, художника и врача, инженера и креативного рабочего» (С. 42—43). Отсюда вывод автора: в условиях реального социализма должно происходить постепенное «вытеснение частной интеллектуальной собственности и развитие всеобщей» (Там же).

Добавлю от себя: этот процесс возможен лишь по мере устранения товарно-денежных отношений в обществе. Как показывает история СССР, преждевременные попытки форсирования похожего процесса (например, во время политики «военного коммунизма») могут только навредить реальному продвижению со-

циалистического общества к коммунизму. С другой стороны, что такое «всеобщая собственность»? Очевидно, это собственность всех вместе и каждого в отдельности. Но такая собственность на самом деле превращается в свою противоположность и перестает быть собственностью вообще. Коммунизм и собственность — на мой взгляд, вещи несовместимые.

Однако вернемся к тексту Бузгалина. После анализа экономической сферы он рассматривает сферу социальных, политических и духовных отношений в СССР, извлекая из них соответствующие уроки. Обобщая, можно сказать, что и в этих сферах советского общества проявлялись и боролись друг с другом две противоположные тенденции, ведущие к социализму и препятствующие ему. С одной стороны, это рожденные Октябрем стремление советских людей к социальному равенству, солидарности и общему благу, увлеченность романтикой неизведанного, постоянная тяга к просвещению и образованию. У этих людей всегда сохранялась память о Советах как подлинно демократической власти трудящихся. Она в периоды истории, связанные с Октябрем, решениями XX съезда и перестройкой, подкреплялась на практике непосредственным участием граждан в различных формах социального и культурного творчества, местного и производственного самоуправления, освоением и отстаиванием в общественной жизни ценностей высокой культуры, идеалов социализма и интернационализма.

В то же время советские люди видели постепенное разложение и перерождение советской и партийной номенклатуры, пользующейся огромными и незаслуженными привилегиями, распространением в ее среде ценностей потребительства, индивидуализма и карьеризма. В последние годы существования советской страны особенно бросались в глаза безыдейность и двоящие представители правящей государственной и партийной номенклатуры, использование ею двойных стандартов и правил поведения. Отказавшись на деле от официально провозглашенной коммунистической идеологии,

номенклатура в конечном итоге обменяла государственную власть на частную собственность и капитал. Это стало возможным тогда, когда, заручившись поддержкой руководства западных стран, советская бюрократия произвела политический переворот в стране, в результате которого были ликвидирована Советская власть, окончательно преданы интересы трудящихся, и полностью реставрированы буржуазные отношения.

Как же такое могло случиться? Думаю, дело в том, что силы, отстаивавшие стратегию демократического обновления советского социализма, не сумели ее полностью реализовать. Левые партии и движения оказались раздроблены. Часть из них вообще не понимала, что происходит в реальности (например, многие коммунисты голосовали за ратификацию Беловежских соглашений, распустивших СССР). В итоге все они оказались бессильны против реставрации капиталистических отношений в стране. Их поражение стало фактом истории. Таким образом, социалистический эксперимент, начавшийся в Октябре 1917 года, трагически завершился.

Сегодня многие граждане России, столкнувшись с пришествием олигархического капитализма, испытывают невиданные ранее жизненные перегрузки. Они связаны с падением их уровня жизни, возникновением уже давно забытой безработицы, постоянным повышением цен на коммунальные услуги и продукты первой необходимости, появлением богатых и бедных, ликвидацией многих социальных гарантий, ростом детской беспризорности, разросшейся наркоманией и алкоголизмом, разгулом преступности, всепроникающей коррупцией во властных структурах, взаимной отчужденностью людей, их идеологической и нравственной аномией.

Появление всего этого в «новой» России есть своеобразный урок всем левым силам, который, к сожалению, ими пока не осознан до конца. Вместе с тем только всесторонне поняв и осознав трудный и противоречивый опыт рождения, становления и падения реального социализма

в СССР, можно увидеть новые пути его возрождения в России и мире. Таков общий вывод, который делает Бузгалин на основе своих теоретических рассуждений в книге.

Близки к позиции Бузгалина точки зрения двух западных ученых: американского профессора Давида М. Котца и немецкого историка Бруно Малова. Они не только видят в СССР реальную попытку создания альтернативной социалистической системы, впервые в истории бросившей «полномасштабный вызов» системе капитализма, но и конкретно показывают, что нужно понять и необходимо сделать сторонникам левой идеи в XXI веке, чтобы не повторять ошибки создания реального социализма в СССР.

Так, Давид Котц уверен, что советская система базировалась на ряде ключевых институтов, без которых невозможно практически осуществить идею социализма. К ним он относит прежде всего «государственное владение предприятиями, экономическое планирование и производство ради непосредственного использования продукции, а не ради прибыли» (С. 445). Вместе с тем он отмечает, что СССР имел и ряд черт, которые не вписывались в классические представления о социализме. К ним он относит появление привилегированной бюрократической элиты, репрессивную деятельность государства против собственного народа, наличие авторитарных отношений на производстве, строгий контроль административной системы над частной жизнью людей. По его мнению, попытка М. Горбачева реформировать такую систему путем устранения ее репрессивных и несоциалистических сторон оказалась неудачной. В итоге она «прекратила свое существование и была реинтегрирована в капиталистическую систему» (С. 446).

Как известно, по мнению многих западных ученых (как правило, либералов) и соответствующих средств массовой информации, сам факт исчезновения СССР свидетельствует о нежизненности или утопичности эгалитарной идеи социализма как таковой. Иное мнение у Д. Котца. Он считает, что подобные трактовки

гибели СССР не выдерживают критики и не подтверждаются историческими документами и фактами. На самом деле, по его мнению, советская система, особенно в экономической сфере, была до самого конца достаточно жизнеспособной. Так, в конце 1980 годов выпуск продукции не только не снижался, но даже медленно нарастал. И только в 1990—1991 годах в связи с отменой централизованного планирования, объявлением грядущей приватизации государственных активов и рядом других факторов произошел спад в экономике. С его точки зрения, «советская плановая экономика не “рухнула”, а была демонтирована политическими решениями» (С. 448).

Этому способствовали непродуманные решения центральной власти (в частности, закон «О государственном предприятии»), породившие неконтролируемый рост денежных доходов населения, планируемая приватизация госпредприятий, заявление Б. Ельцина о суверенитете России и ее фактическом неподчинении союзному центру и др. Он считает, что благодаря именно этим факторам линия «прокапиталистической коалиции взяла верх над социалистическими реформаторами», стремившимися осуществить превращение «государственного социализма в демократический» (С. 449).

Д. Котц уверен, что в то же время точные представления о недостатках советской системы, способствующие ее падению, могут подсказать реальные пути, ведущие к грядущему социализму XXI века. Знание их даст в будущем возможность на практике закончить незавершенную перестройкой стратегию движения российского общества к демократическому социализму. В связи с этим автор выступает оппонентом тех критиков, которые доказывают, что «*советская система государственного социализма была нереструктурируема*» (курсив мой. — Б. С.). По его мнению, при более благоприятных временных и политических условиях демократическое реформирование советской системы могло бы успешно завершиться.

При этом Д. Котц выделяет три взаимосвязанных изъяна советской системы.

«Во-первых, в противоположность ее притязаниям на то, чтобы быть государством рабочих, она управлялась привилегированной *элитой*. Во-вторых, государство, посредством которого эта элита правила, было *авторитарным*, оно отказывало населению в гражданских правах и свободах. В-третьих, как политические, так и экономические институты были крайне *централизованными и иерархическими*, все важные решения в них принимались в центре небольшой группой высших должностных лиц, в то время как остальное население, как предполагалось, должно было просто выполнять их указания» (С. 450—451).

Можно спорить о том, насколько формулировка двух первых изъянов советской системы полностью соответствуют реальной действительности: не всегда советская элита была привилегированной (например, при Ленине), были в советской истории и демократические периоды развития. Однако бесспорно то, что со временем советское государство переродилось, став полностью бюрократическим и иерархическим, что привело его на практике к отчуждению от народа и, как следствие, к падению СССР. Прав автор, когда говорит: «В целом в советской системе отсутствовали институты, через которые люди — в роли потребителей, производителей, членов сообществ — могли бы участвовать в принятии решений, касающихся производства и распределения. В ней было экономическое планирование по форме — но не было важнейшей сути планирования», связанного с участием в нем самих граждан общества (*Там же*).

Исходя из сказанного, Д. Котц формулирует три основных урока для социалистической системы будущего. Это, прежде всего, создание «демократического государства», в котором «должны соблюдаться личные права граждан». Это использование в управлении вместо централизации и иерархии альтернативных институтов. Наконец, это наличие институтов, «предотвращающих формирование привилегированной и доминирующей элиты» (С. 452).

Обращаясь к историческому опыту перестройки, автор признает, что тогда удалось вплотную подойти к созданию демократического государства, введя свободные и альтернативные выборы, конкуренцию политических организаций, принять законы о независимости судебной власти и СМИ. Вместе с тем и тогда, по его мнению, сохранялась однопартийная система, которая «не может служить элементом демократии», ибо в принципе не имеет возможности представлять интересы всех граждан общества. Исходя из сказанного, автор ищет реальные средства, способствующие демократизации будущей системы социалистического общества, и находит их в трактовке идей рыночного и самоуправленческого социализмов.

В первом случае, с его точки зрения, демократия будет осуществляться путем конкуренции отдельных предприятий, а не «представителями центрального планирующего органа»; во втором случае осуществится «демократическое, или партисипативное, планирование, где составление планов передается местным и региональным органам власти, оставляя центру роль координатора экономической деятельности». И в первом, и во втором случае принятие решений невозможно без прямого участия самих работников. Не допускается здесь и концентрация частной собственности в одних руках, что исключает главный «источник господства элиты» (см. С. 456).

Надо отдать должное Д. Котцу. Осмысливая различные варианты демократического социализма, он беспристрастно признает, что только «позитивный исторический образец успешного демократического социализма» может стать критерием истины. Такового пока история не знает, но его следует добиваться в жизни, исходя из того, что в лице советской системы потерпела поражение «искаженная версия социализма, а не социализм как таковой» (С. 459).

Фактически с этим выводом солидарен и другой иностранный автор рассматриваемой книги — Бруно Малов. Во-первых, для данного автора является очевидным

факт, что «Октябрьская революция изменила мир, и многие достижения советского периода оказались прорывом для прогресса всей человеческой цивилизации» (С. 460). Во-вторых, по его мнению, осмысление этого периода не должно идти по методу бухгалтерского баланса, плюсы—минусы, или по принципу «с одной стороны — с другой стороны». Он уверен, что здесь есть «определяющая сторона, связанная с жизнью целых поколений», и эта сторона, насколько я понял, означает *доминирование в советском обществе социалистической тенденции*. Наконец, в-третьих, в оценке советской системы нельзя ограничиваться только теоретическим разбором без учета человеческого фактора. Учет такого фактора в советской истории — отличительный признак краткой, но емкой главы автора, чего, на мой взгляд, не всегда присуще его коллегам по книге.

Прежде всего, Б. Малов считает, что большевики, выдержав испытание царскими тюрьмами, революционной борьбой, неисчислимыми трудностями Гражданской войны, не смогли выдержать испытание временем и властью. Спустя более семидесяти лет после революции выяснилось, что они потеряли доверие трудящихся масс, что сразу приблизило падение их собственной власти. Он цитирует Ленина, который предупреждал: «Ничто не может так навредить нашей революции, как мы сами». Советскую власть не удалось победить ни в Гражданской войне, ни через интервенцию, ни в Великой Отечественной войне против немецких фашистских агрессоров. Более того, решающий вклад Советского Союза в победу над фашизмом спас человеческую цивилизацию (см. С. 461). Тем не менее он не устоял перед внутренними и внешними антисоциалистическими силами. В итоге мы стали свидетелями «исторического регресса, реванша реакционных сил», разрушивших СССР.

Автор задается вопросом: почему так случилось? И говорит, что ответ на этот вопрос надо начинать не столько с выяснения экономических и узкополитических причин — хотя это тоже важно,

а с того, каким было «обращение с марксизмом-ленинизмом, опытом мирового революционного движения и социалистических стран» (С. 462). По его мнению, все дело в том, что на практике произошел «отход от коренных положений Маркса, Энгельса, Ленина. Этот отход не может быть оправдан одними историческими условиями, которые классики не могли предвидеть. Нарушены... были на практике многие азы политэкономии, исторического материализма, научного социализма» (С. 465). Мало того, автор считает, что марксистское учение со временем превратилось в своего рода «вероисповедание», в начетничество и жонглирование цитатами, а исторические закономерности были сведены к своеобразному автоматизму общественного развития. Что касается диалектики — этой живой души марксизма, то руководство советской страны ее практически игнорировало, не замечая или обходя реальные противоречия социалистического строительства. Автор уверен, что без учета этого негативного опыта СССР нельзя решить современные задачи, связанные с поиском реальных альтернатив современному капиталистическому миру.

Б. Малов призывает современных левых учиться науке строительства социализма у Ленина. Прежде всего его умению слышать голос масс, знать их насущные потребности, отталкиваться в политике от их практического опыта, а не провозглашать абстрактные идеи или готовые схемы. Здесь он в пример приводит осуществление ленинской политики нэпа, которая была основана на учете практического опыта масс. Особенно автор ценит у Ленина его творческий, осторожный и самокритичный подход к строительству нового общества. В частности, предупреждение последнего о ненужном забегании вперед в деле создания социализма, об осторожном и внимательном отношении к крестьянству. По Ленину, в отношении с крестьянством необходимо использовать не общие лозунги и призывы, а «силу примера», учитывать его житейский опыт, особенно взвешенно подходить к преобразованию

частной собственности, соблюдать принцип добровольности в деле кооперации и создания коллективных хозяйств, в экономических вопросах вообще отказаться от принципа насилия. Именно эти ленинские идеи позднее были полностью проигнорированы Сталиным, что породило «серьезные деформации и большие жертвы в ходе индустриализации и коллективизации» (*Там же*).

По мнению автора, и после смерти Сталина в руководстве страной допускались грубейшие ошибки. Так, не были осознаны существенные деформации советской системы, связанные с уравниловкой, волюнтаризмом, развитием теневой экономики и др. В итоге руководство страны проспало возникшее отчуждение трудящихся от собственности и производства, проигнорировало серьезные изменения в политической системе, связанные с бюрократическим перерождением правящей партии и государства. Все это способствовало будущему крушению СССР.

Вместе с тем, на взгляд автора, «фатальной неизбежности разрушения социалистической системы» не было. Ее можно было избежать, если бы на XX съезде КПСС партийное руководство не ограничилось «разоблачением культа личности» и общим призывом «к возврату к ленинским принципам партийной и общественной жизни». По мнению автора, этот съезд «оказался незавершенной симфонией» (*Там же*). После него также были допущены политические и идеологические ошибки: например, нельзя было принимать программу строительства коммунизма в условиях незрелого социализма, допускать застойные явления и догматизм в теоретической работе партии и т. д.

По мнению Б. Малова, все сказанное говорит о том, что дело было «не просто в смене руководства, а в коренном изменении принципов функционирования общества» (*Там же*), его экономического и политического механизма. Подтверждением может служить тот факт, что советское руководство не смогло реализовать даже свой правильный лозунг об органическом соединении НТР с достижениями

социализма, сделать необходимые выводы из нового характера современной эпохи и быстрого приспособления империализма к новым условиям, изменившим общее соотношение политических сил на мировой арене.

Я считаю недостатком данной главы лишь то, что свой анализ человеческого фактора в функционировании советской системы Б. Малов не довел до конца, то есть практически ничего не сказал по поводу реальной политической борьбы в СССР и мире, развернувшейся в ходе перестройки советской системы. Хочется надеяться, что это замечание он учтет в других своих исследованиях.

Что касается рассматриваемой главы, то автор заканчивает ее перечнем вызовов, перед которыми оказались левые силы в поисках социализма XXI века. Среди них прежде всего всестороннее осмысление трагического исторического опыта революционного движения в мире. Изучение

новых подходов к решению социальных проблем в странах Латинской Америки (и не только). Необходимость анализа и решения новых глобальных проблем человечества ради спасения мировой цивилизации. Осознание современной специфики главного противоречия между трудом и капиталом. Наконец, создание широких движений, союзов, новых форм и методов их взаимодействия, включая результаты информационной революции в мире.

На этом я заканчиваю данную рецензию. Исхожу из того, что у меня нет никакой возможности проанализировать в ее ограниченных рамках все взгляды на природу СССР, отраженные в книге. Успокаивает лишь то, что эти взгляды не находятся в прямой противоположности друг с другом. Уверен, что не затронутые в рецензии разделы сборника не умалят интереса к нему. Во всяком случае, он этого заслуживает. ◆